ВЕТКОВСКИЙ РАЙОННЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

А.Ф. РОГАЛЕВ

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ Ветковского района Гомельской области

ОДО «Барк»

Гомель
2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
А 14
Б 16
В 31
Г 41
Д 52
Е 56
Ж 57
З 59
И 67
К 70
Л 91
М 95
Н 100
О 110
П 112
Р 126
С 133
Т 154
У 156
Ф 159
Х 160
Ц 164
Ч 165
Ш 171
Щ 175
Ю 175
Я 176
Список использованных источников 179
Ветковская страница «Истории Пугачёва» 185

УДК 808.2–3+808.26-3+808.3-3+908(476.2)(038)
ББК 81.411-314-4+26.89(4БЕИ-4Гом)я21
Р 59

Рецензенты:
кафедра русского, общего и славянского языкознания Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»;
кандидат исторических наук, доцент **О.А. Макушников**.

На обложке – Даниловичская церковь, начало XIX в.

Рогалев А.Ф.
Р 59 Топонимический словарь Ветковского района Гомельской области.– Гомель: Общество с дополнительной ответственностью «Барк», 2004.– 196 с.

ISBN 985-6763-04-5

В книге рассматривается происхождение названий населенных пунктов, дорог, улиц, садов, урочищ, лесов, лугов, полей, возвышенностей, низин, оврагов, болот, озер, прудов, родников, ручьев, речек, пастбищ, выгонов, мест археологических памятников и других географических объектов, расположенных на территории Ветковского района Гомельской области.

Эти наименования сформировались естественным путем в народном употреблении и закрепились исторически. Будучи своеобразными символами определенного времени, строя жизни, традиций и обычаев, они входят неотъемлемой частью в наше духовное наследие.

Топонимия является ценным источником информации для лингвистики, истории, археологии, исторической географии, позволяющим реконструировать этноязыковое прошлое изучаемого региона и воздействующим на историко-культурные ориентиры в настоящем и будущем.

Адресуется всем интересующимся историей родного края и топонимическим краеведением.

УДК 808.2–3+808.26-3+808.3-3+908(476.2)(038)
ББК 81.411-314-4+26.89(4БЕИ-4Гом)я21

ISBN 985-6763-04-5

© А.Ф.РОГАЛЕВ, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Чернобыльская катастрофа породила великое множество проблем – экологических, экономических, демографических и даже… историко-культурных (хотя как будто слова «катастрофа» и «культура» в одном контексте несопоставимы). И тем не менее это так: о проблемах Чернобыля нужно говорить также в аспектах историческом, краеведческом, этнолингвистическом, культурологическом.

Ликвидация деревень, существовавших в той или иной местности в течение нескольких столетий, переселение коренных жителей, являвшихся носителями и хранителями местной культуры, местного говора, означают несомненную потерю, причем не только в масштабах одного района, но и республики в целом. Теряется информация, имеющая культурно-историческое значение, важная для духовного здоровья нации, для патриотического воспитания молодежи.

Настоящий словарь представляет собой попытку обобщения собранного в 1989-2003 годах на территории Ветковского района Гомельской области разнообразного топонимического материала, отражающего географический ландшафт, природу, быт, занятия местных жителей в настоящем и прошлом, их представления об окружающем мире и дающего возможность со значительной степенью вероятности реконструировать этнолингвистическую «карту» края минувших веков. Данный материал имеет особую ценность именно потому, что он собран в одном из наиболее пострадавших от «мирного атома» районов Восточного Полесья.

Описание географических названий Ветковщины ведется в русле топонимического краеведения, что и позволяет рассматривать этот словарь в качестве пособия для чтения курса краеведения и иных спецкурсов на историческом, филологическом и географическом факультетах Гомельского университета имени Ф. Скорины, для проведения факультативных занятий и кружковой работы в средних школах, для пропаганды истории и культуры родного края среди населения.

Статьи в словаре расположены в алфавитном порядке. Заглавное слово снабжается ударением и указанием на род и число соответствующего названия. Затем следует обозначение

разновидности объекта (типы поселений, возвышенный, низинный рельеф, растительный покров, стоячие и текучие воды, хозяйственно-экономические, исторические, бытовые и культурные строения и сооружения и т. п.). После указания рода (типа) объекта дается словообразовательно-этимологический комментарий к названию, позволяющий читателю получить ответ на вопрос «почему так названо?».

Для облегчения восприятия текста читателем-неспециалистом словарные статьи не перегружены ссылками на источники и научную литературу. В необходимых случаях после того или иного слова, значения или вывода, важного для понимания названия, его происхождения, в скобках указывается порядковый номер лексикографического источника или специального исследования, научного сочинения, помещенных в конце данной книги в «Списке использованных источников». При подготовке книги автором использованы материалы личной картотеки.

В словаре рассматривается 870 географических названий, в том числе, относящихся к населенным пунктам, ликвидированным в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

* * *

Ветковское Посожье, как и вся территория бассейна Сожа, в исторической ретроспективе представляло собой арену, где соприкасались, взаимодействовали, сосуществовали разные этноязыковые группы. Причем это относится не только к сравнительно недавнему времени – концу XVII-XVIII векам, когда рядом с исконными белорусскими деревнями появились русские староверческие слободы. В Посожье издавна, до прихода сюда славян, жили финноязычные, ираноязычные и отдельные балтоязычные племена. Об этом, кроме топо- и гидронимических материалов, анализируемых в данном словаре, свидетельствуют также антропологические исследования [см.: 20; 32]. Каждая из этноязыковых групп занимала свою экологическую нишу, поэтому жили они преимущественно мирно, поскольку были заинтересованы в результатах и продуктах хозяйствования друг друга. Этнические контакты в Посожье, как, впрочем, и в большинстве других районов Восточной Славии, осуществлялись в виде симбиоза («соседство двух и более этносов, живущих на

своих родных землях и "вписавшихся" в ландшафты, их вмещающие, обычно осуществляется с пользой для обеих сторон»; см. 71; 74; 224). Приход славян не изменил формы соседства.

Осваивая Посожье, славяне встретились с необходимостью ориентироваться в новой природной среде, что и привело к неизбежному формированию общего для всего окружающего населения запаса географических терминов и названий. Существование в контактных зонах единых культурных и языковых особенностей, в том числе и одинаковых, общих топо- и гидронимических основ, – закономерное явление. В идентичных или близких физико-географических условиях вообще вырабатывались схожие или даже одинаковые принципы номинации географических объектов. Если же учесть еще и то, что система собственных имен по сравнению с именами нарицательными легче принимает в себя иноязычные вкрапления (причина: собственное имя индивидуализирует объект, особенно объект географический, его семантическая нагрузка, в отличие от относительно универсального апеллятива, ограничена), что топонимия «привязана» к определенному ареалу, менее мобильна, более обломочна, более архаична в целом, чем другие слои лексики, что, наконец, географические имена «консервативны» и передаются часто почти в неизменном виде из поколения в поколение (названия функционируют как условные звуковые комплексы, приемлемые прежде всего в силу своей традиционности), то становится понятным, почему среди предлагаемого нами списка имен встречаются не только новые, «прозрачные», но и старые, с затемненной внутренней формой топонимы и гидронимы, не только славянские, но и иноязычные по своему происхождению. Правда, определить с достаточной уверенностью и точностью языковую принадлежность того или иного древнего наименования не всегда удается. И это также не случайно: общий исходный запас корней, основ, терминов для обозначения речек, ручьев, болот, возвышенностей, низин, лесов, других географических реалий, выявляемых в разных языках, которые функционируют в контактных зонах, позволяет лишь отыскивать вероятную, возможную мотивацию имен на основе фактов определенного языка (или языков) и не более того. Красноречивый пример тому – гидроним *Сож*, «родившийся» в контактной зоне, на территории,

где взаимодействовали племенные группировки финно-угров, индо-иранцев и балтов. Не случайно все попытки объяснить название *Сож* ограничиваются как раз балтской, финской и индоиранской гипотезами (см. соответствующую статью в данном словаре).

Особенностью Посожья, территории Ветковщины в том числе, было то, что здесь соприкасались периферии ареалов финских, индоиранских и балтских племен. Это означает, что на определенной территории, Ветковщине в частности, не было сплошного индоиранского, финского или балтского населения, а существовали лишь отдельные их «острова». Эти «острова» представляли собой конкретные поселения, в которых проживали носители индоиранских, финских и балтских диалектов. Наследием данных древних поселений и является нынешняя пестрота географических названий (подробнее о периферии индоиранских, финских и балтских племен Посожья см. в кн.: 59; 70; 113; 114; 115; 127). Славяне, осваивавшие этот край и создававшие свои поселения, использовали порой для их названия поистине «интернациональные» термины, апеллятивы.

Основной в количественном отношении топонимический пласт в Посожье представлен, конечно же, славянскими географическими названиями. Славяне впервые появились на территории современной Ветковщины в первые века новой эры [см. 70; 74], причем пришли они с юга, юго-запада. Наиболее характерные этнические и языковые черты восточных славян начали формироваться, по всей видимости, в ареале так называемой зарубинецкой культуры, распространявшейся от верховьев Припяти и Западного Буга до верхнего и среднего течения Южного Буга и Днестра, а также до Среднего Поднепровья.

Ареальное единство восточнославянской группировки было нарушено во II-III веках новой эры движением готов из Южной Прибалтики, но восстановилось и существовало вплоть до VI-VII веков, хотя в нем уже наметилось размежевание. В начале VII века восточнославянское единство было окончательно нарушено нашествием аваров («обров»). С этого времени начинается движение восточнославянских племен далее к северу, в пределы нынешней территории Беларуси. С этого времени судьбы восточнославянских этнодиалектных группировок оказываются различными, но единство и изначальное их родство осознавались ими, как нам представляется, очень отчетливо.

Контакты славян в Посожье с предшествующим населением, как мы уже отмечали, осуществлялись в форме симбиоза. По этому поводу известный славист и этимолог О.Н. Трубачёв, на наш взгляд, очень точно и правильно заметил следующее: «...Соседство есть соседство, оно предполагает общение и знание друг друга, но вместе с тем – отсутствие перехода за известную грань... Правомерно ли из факта соседства в пору древнеплеменных отношений прямолинейно заключать, что обязательным следствием являлась ассимиляция одного этноса другим? Реальных вариантов было гораздо больше» [114]. Действительно, необходимо учитывать иные, более реальные варианты взаимодействия славянского и неславянского населения, чем прямая ассимиляция, в том числе и на территории Посожья. Ассимиляция, этническое смешение не могли дать, например, такого причудливого, порой невероятного «сплава» топооснов и топоформантов, какой выявляется, к примеру, на территории Ветковщины. Более того, повторяемость древних гидронимических и топонимических корней в разных районах Восточной Славии [см.: 15] и мотивация этих корней на основе фактов языков и диалектов, функционировавших в древних контактных зонах, не позволяют преувеличивать роль ассимиляции в процессе формирования восточнославянских этнических группировок, а затем и народов – русских, украинцев и белорусов. Ассимиляция – это результат пусть порой и неявного, но все же господства, «насилия» одного этноса языка над другим (или другими). Ассимиляция – это результат соперничества и борьбы, пусть опять-таки и неявной. Между тем археологические материалы показывают, что для внутренних районов обитания ранних восточных славян и мест их предполагаемых контактов с иноязычными группировками не характерны укрепленные поселения. Если не было укрепленных поселений, то не было и противоборства, завершающегося покорением одного этноса другим.

Ни в одном районе Восточной Славии приход славян не означал полной смены предшествующего населения в результате захвата его территории. Наоборот, расселявшиеся славянские племена являлись своего рода «передаточной средой», обусловившей реальные контакты отдаленных областей, культурную интеграцию на огромных просторах, дифференциацию внутри

различных территорий и специфику развития конкретных районов. Активные и многосторонние контакты славянского и неславянского населения, распространение единых или близких культурных, языковых, топонимических феноменов указывают на истинное соседство, сосуществование этносов и языков, свидетельствуют о складывании этнодиалектных союзов, о протекании этнических и языковых контактов, полезных и необходимых обеим сторонам.

Сложные и многообразные этноязыковые процессы, на которые наслаивались события политической истории (образование Киевского государства, в частности), неизбежно приводили к сближению первоначально различных групп, втянутых в контактную зону и охваченных характерными для нее интегрирующими явлениями. То, о чем мы здесь говорим, а именно мирная, ненасильственная интеграция Восточной Славии под воздействием «славянского фактора», привело к сложению древневосточнославянского суперэтноса (*суперэтнос*, или *мегаэтнос* – это группы народов, имеющие общие черты культуры и общее самосознание). Не случайно названия некоторых группировок (этнодиалектных массивов, или субэтносов) на территории Восточной Славии возникли по одной и той же смысловой, семантической модели – в значении «единые, дружественные, родственные». Имеются в виду этнонимы *кривичи, северяне, радимичи* (подробнее об их происхождении см. в кн.: 70; 109; 117).

Радимичи в Посожье, в том числе и на территории современной Ветковщины, появились в конце VIII века. Согласно летописи, они пришли в эти места от «ляхов»; т. е. с запада, с территории Польши или из прилегающих к Польше земель. Именно так объясняют летописные сообщения многие исследователи. Мы придерживаемся несколько иной точки зрения. Прежде всего мы считаем некорректной саму формулировку вопроса – откуда пришли радимичи? Радимичи стали радимичами в том ареале, где их застает летописец (это же относится и к другим восточнославянским субэтносам). Если же говорить о каком-то возможном приходе определенных этноязыковых групп, то ими являлись предки радимичей, как и кривичей, вятичей, северян и других. В результате взаимодействия определенных группировок в Посожье и «родились» радимичи. Нет ничего

удивительного в том, что в своем, скажем так, генетическом коде радимичи сохранили память о предшественниках, т. е. о тех группах, которые были предками этого субэтноса (о нашей версии происхождения радимичей см. в кн.: 70; 74). Скажем лишь, что такая яркая особенность белорусского языка, как «дзеканне» и «цеканне», распространилась на белорусской территории именно из радимичского ареала. «Дзеканне» и «цеканне» с разными местными особенностями засвидетельствовано также в большинстве языков северной славянской группы: в польском, верхне- и нижнелужицком, полабском, при этом ядром данного языкового явления считается центральная лехитская территория в ареале великопольских говоров [см. об этом в кн.: 70; 74].

О том, что в составе радимичей были и «южные» славянские группы, двигавшиеся из бассейнов Днестра и Южного Буга, из Галиции и с Волыни на север и северо-восток примерно в VI-VII веках, свидетельствуют этнонимические и топонимические факты, а также сообщения летописи, например, о связи радимичей с вятичами и северянами. Генезис северян, в частности, связывают с роменской археологической культурой, истоки которой ищут на славянском юго-западе, прежде всего вблизи Дуная [109]. Речь в данном случае идет о происхождении славянского компонента северянского субэтноса, кроме которого в составе северян были и другие, неславянские (см., например, в кн. 117 о версии М.В. Федоровой, считающей, что в речи потомков северян – севрюков – отражены некоторые черты мансийского языка, имеющего финно-угорскую природу). Что касается переселения славян с юго-запада, то его следами является распространение в бассейнах Днепра, Десны, Сейма, Сулы и Сожа названий типа *Дунай, Дунаец, Дунавец* (об этом и о других историко-топонимических фактах см. подробнее в кн.: 70; 74).

Мы так детально останавливаемся на предыстории Посожья, поскольку без подобного экскурса очень сложно понимать и воспринимать многие географические названия, зафиксированные на территории Ветковщины. Анализируемая территория, таким образом, с VIII века входила в ареал радимичского субэтноса. Радимичи никогда не выступали со сколько-нибудь серьезными претензиями в политической истории Восточной Славии. В середине IX века радимичи попали в зависимость от хазар.

Хазарский период в истории радимичей также оставил определенные лингво-топонимические следы в Посожье (например, наиболее красноречивый факт – название озера *Казара*, вариант *Казары, Казарское, Казарино* в окрестностях дер. Терюха Гомельского р-на; см. об этих названиях подробнее в кн.: 73). Именно хазары, как можно полагать, оставили в Посожье тюркские элементы топонимии и гидронимии.

С 885 года радимичи уже не платили дань хазарам, с этого времени они отправляли «по беле и веверице от дыма» в Киев, князю Олегу. После смерти Олега (913 год) радимичи вместе с северянами, вятичами и иными группировками отделились от Киева и примерно 70 лет были независимыми. В 984 году киевский князь Владимир Святославич покорил радимичей, на этот раз навсегда. Однако этноним радимичи в летописях употреблялся вплоть до 1169 года. По всей видимости, радимичи еще долгое время сохраняли свои диалектно-этнографические особенности, пока окончательно не были включены в общебелорусский процесс, т. е. в состав белорусского этноса, который активно формировался как раз в XII веке. Однако полное включение радимичей или их потомков в состав белорусов как народа произошло уже в границах Великого княжества Литовского в середине XIV века.

Несомненно, что дальнейшая, более новая история края также нашла отражение в топонимии и микротопонимии Ветковщины. Территория современного Ветковского района вошла в состав Великого княжества Литовского в середине XIV века. В конце XV – начале XVI веков Посожье представляло собой фактически пограничную территорию в результате отхода к Московской державе согласно договорам 1494, 1503 годов областей, частей Великого княжества Литовского. С весны 1500 года Гомель и окрестные земли, в том числе, вероятно, и южная часть современной Ветковщины, отошли к Московии, северная же часть ветковских земель находилась в составе Великого княжества Литовского. В 1511 году была образована Пропойская королевская волость с городами Пропойск и Чечерск (в состав волости входила северная часть современного Ветковского района). В середине 40-х годов XVI века Чечерское староство отделилось от Пропойского. С 1537 года, когда Гомель с окрестными

землями вновь вошел в состав Великого княжества Литовского, существовало и Гомельское староство. Территория Ветковщины, таким образом, была как бы поделена между этими двумя старостваами. Посожье, оказавшись в эпицентре борьбы Великого княжества Литовского и Московской державы (войны 1500-1503, 1534-1537 годов, постоянные пограничные инциденты, стычки, провокации с той и другой стороны), очень часто опустошалось во время боевых действий; гибло и уводилось в плен население, имущество мирных жителей разграблялось.

С 1569 года Посожье находилось в составе провинции Великого княжества Литовского, которая в свою очередь входила в состав вновь образованного федеративного государства Речь Посполитая. На территории Посожья с конца XVI века и до половины XVII века происходили почти беспрерывные боевые действия между войсками магнатско-шляхетской Речи Посполитой и казацкими отрядами, в частности, Северина Наливайко (казацко-крестьянское восстание 1595-1596 годов), Б. Булгакова (1633 год), И. Ермолина (тот же 1633 год), Головацкого (1648 год), М. Небабы (1649 год), И. Золотаренко (1654 год). На протяжении нескольких лет юго-восточные районы Беларуси, в том числе территория Ветковщины, находились под контролем казацких войск, которыми после гибели в 1655 году И. Золотаренко командовал полковник И. Нечай. По договору 1649 года и в 1656-1659 годах в Посожье проходила граница между литовско-польской и казацкой территориями (ср. описание этой границы в Летописи Самовидца, изданной в Киеве в 1878 году: «…чрезъ Припеть до Бихова, чрезъ Днепръ, по надъ рекою Сожемъ, аж до уезду Смоленского подъ Рославле»). В 1667 году Россия и Речь Посполитая заключили Андрусовское перемирие, по условиям которого Гомель остался в составе Речи Посполитой, соседние земли в нижнем и среднем Посожье также остались к западу от российской границы.

Следы казацкого периода в Посожье, а также «казакование» местных жителей на Украину (уход их на юг в годы войны) отразились не только в документах, но и в фольклоре и географических названиях (см., например, статью *Казацкие Болсуны* в данном словаре).

Во время казацких войн происходили переселения с территории Посожья на Брянщину, Орловщину, Смоленщину, Тульщину, Курщину. Польское правительство предпринимало меры, чтобы заселить обезлюдевший край с юго-запада Беларуси, а также беглыми из Московии. В 1648-1657, 1663-1687, 1711 годах в Посожье прибывали переселенцы с Волыни и даже из Прикарпатья [126].

Мы не останавливаемся в данном историческом обзоре на вопросе о приходе на территорию современного Ветковского района старообрядцев и об основании ими Ветки. Данная тема достаточно хорошо изучена. Заметим лишь, что кроме исторических свидетельств о начале Ветки и ее расцвете (см. об этом в работах: 1; 39 и др.), определенную информацию о происхождении ветковцев из тех или иных районов России дает диалектология, в частности, изучение особенностей русских говоров в восточной части Гомельщины (разработкой данного вопроса активно и плодотворно занималась А.Ф. Манаенкова; см. кн.: 43; 44 и др.). На основе изучения безударного вокализма ветковских говоров (тут господствует диссимилятивное аканье, отмечается диссимилятивное яканье суджанского типа – деревни Попсуевка, Борьба/Романово Ветковского р-на, Леонтьево Добрушского р-на; умеренное диссимилятивное яканье – деревни Марьино Добрушского р-на и Тарасовка Ветковского р-на; донское яканье – дер. Косицкая Ветковского р-на; диссимилятивное яканье жиздринского типа – дер. Новый Крупец Добрушского р-на, а также сильное яканье – дер. Жгунская Буда Добрушского р-на), посредством анализа отдельных грамматических форм, а также в результате исследования словарного состава говоров А.Ф. Манаенкова сделала вывод о том, что ветковские говоры близки русским говорам юго-западной диалектной зоны. Исследователь предположила, что основная часть ветковских переселенцев-староверов пришла с юго-западной полосы южнорусских говоров и «прародиной» большей части ветковских раскольников, таким образом, была курская земля. В ветковских староверческих слободах селились и выходцы из иных районов России, в частности, из тульской земли, с территории среднерусских говоров (Московская, Тверская области) и, возможно, даже из северных районов России. Однако по некоторым причинам

(количественный перевес носителей курского диалекта или их ведущая роль в общественно-духовной жизни ветковской «республики») именно курский диалект, по мнению А.Ф. Манаенковой, оказался наиболее жизнеспособным и определяющим в ветковских слободах.

В 1772 году территория Ветковщины вместе с восточной частью Беларуси была присоединена к Российской империи. С 1773 по 1777 год Ветковщина находилась в составе Рогачёвской провинции, затем – в составе Могилёвской (с 1796 по 1802 год – Белорусской) губернии, большей частью в ее Гомельском (до 1852 года – Белицком), а также Рогачёвском уездах. С 1919 по 1924 год территория Ветковщины входила в состав Гомельской губернии РСФСР, с 1926 года – в состав БССР, с 1991 года – Республики Беларусь.

АВРА́МОВ БУГО́Р, м. Урочище в 200 м к юго-западу от дер. Новые Громыки, недалеко от левого берега реки Беседь. Здесь расположен археологический памятник – остатки поселения, относящегося к позднему мезолиту (VII-V тыс. до н. э.) и железному веку (I тыс. н. э.). Составное название. Образовано способом атрибуции. Апеллятив *бугор* свидетельствует о наличии реальной возвышенности в данном месте (археологический памятник расположен на участке первой надпойменной террасы левого берега Беседи). Определение (дифференцирующий атрибут) *Аврамов* образовано от личного имени *Авраам*, являющегося в данном случае символом древности объекта (библейское имя *Авраам* было именем патриарха, от которого якобы произошли люди, заселившие Палестину). По местной информации, «раньше на этом бугре косил траву крестьянин Аврам».

АВРА́МОВКА, ж. Болото возле дер. Неглюбка.

АВРА́МОВКА, ж. Улица в дер. Неглюбка. «Раньше на этой улице жил Аврам и его большая семья».

АКШИ́НКА, ж. Деревня. Расположена у истоков речки Неманки, она же – Немейка, Неменка, Угол, Акшинка. Ойконим (название населенного пункта) образован от гидронима (название водного объекта) лексико-семантическим способом (трансонимизация). Акшинка – л. пр. Сожа; наименование речки считается иранским по происхождению и связывается со словом **axšaina* – «синий, темно-серый, темный» [59].

В начале XX в. рядом с дер. Акшинка располагался фольварок Акшинка, принадлежавший дворянке Т.Ф. Случановской [105].

АЛЁС, м. Луг в окрестностях дер. Шерстин. Название образовано от географического термина *алёс* – «мокрое место, торфяное болото, мочажина, влажный луг, топь; лесное болото, где растет трава; ольховый лес на болоте». Лексико-семантический способ.

АМЕЛЬНО́Е, вар. **ОМЕЛЬНО́Е**, с. Поселок. По преданию, на месте поселка находилось поместье князя Амельки. Говорят, что владел он 500 гектарами земли. После смерти князя люди стали переезжать из дер. Старое Закружье на поместье, где и строились. Так возник поселок. В дореволюционных справочниках поселок Амельное не обозначен. Однако можно предполагать, что он вырос рядом с дер. Старое Закружье на месте имения, принадлежавшего, в частности, в 1910 г. действительному статскому советнику А.С. Долгово-Сабурову [105]. Может быть, имя *Амелька* (*Емельян*) имел отец этого землевладельца или иной предшествовавший владелец? В любом случае форма названия не позволяет принять легендарную версию. Название *Амельное* (*Омельное*), вероятнее всего, образовалось от обозначения растения омелы, *Viscum album*. Лес *Амельно́е* есть возле дер. Бартоломеевка. В окрестностях дер. Сивенка существует болото *Амельно́е*.

АНА́НЬИ КЛЮЧИ́, вар. **АНА́НЬЕВЫ КЛЮЧИ́**, мн. Лесной родник в окрестностях дер. Селицкая. По преданию, здесь когда-то жил некто Ананий, от имени которого и образовалась атрибутивная часть составного топонима.

АНТО́НОВКА, ж. Деревня. По местному преданию, основатели Антоновки не были коренными жителями бывшей Покотской волости. В «панские времена» около 15 семей из дер. Антоновка современной Брянской обл. России (расположена на реке Беседь к северо-востоку от «ветковской» Антоновки) якобы выменяли на собак (кто выменял и у кого – неизвестно) и поселили на месте, где ныне существует н. п. Антоновка Ветковского р-на. Если это предание принимать за реальный факт, то название *Антоновка* следует считать «перенесенным» (т. е. переселенцы принесли с собой название своей родной деревни).

В статистических материалах начала XX в. [105] указывается второе название дер. Антоновка Покотской волости – *Дарьинполье*. Старожилы говорят о том, что «эту землю подарил своему незаконнорожденному сыну отставной генерал» (?) Название *Дарьинполье* могло быть параллельным обозначением населенного пункта, причем, скорее всего, первоначальным. В первой части сложного названия *Дарьинполье* нельзя исключать отражения географического термина *дор* – «новинная земля; поднятая целина; место, расчищенное от леса, кустарника» [52]. В дальнейшем название (Дор-полье?) было переосмыслено под влиянием слов *дар*, *дарить* («поле, подаренное генералом» или «поле, подаренное… природой», т. е. добытое трудом, отвоеванное у природы) или под влиянием имени *Дарья* (Дарьинполье – «поле Дарьи»). Переселение крестьян с территории современной Брянщины, как можно полагать, обусловило появление названия